

— Я полагаю, что эта партия в го подобна жизни. Взлёты и падения, начало и конец — во всём этом кроется смысл. Тот, кто способен постичь суть этой игры, сможет понять и саму жизнь.

— А как, канцлер, оцениваешь мою игру?

— Ваше Величество, я уже потерпел от вас поражение. Как смею я судить? Я вижу, что ваши ходы тверды и обдуманно. Вы, несомненно, заранее всё спланировали.

— С юных лет, когда я начала изучать го, я уже думала о том, как одержать победу над тобой, канцлер. Разумеется, я была уверена в себе. С юных лет, когда я начала учиться управлять государством, я размышляла о том, как завоевать весь мир. Сейчас мне не хватает лишь одного хода. Не одолжишь ли ты его мне?

Жэнь Чэнцин смотрела на Цзян Шана. Цзян Шан молчал, и на мгновение воцарилась тишина. Он смотрел на молодую императрицу перед собой. Её глаза были холодны и прозрачны, и часто заставляли забыть о её поле и возрасте.

— Не знаю, какой ход желает заполучить Ваше Величество?

— Тот ход, что принесёт пользу ныне живущим и заслуги будущим поколениям.

Жэнь Чэнцин передала Цзян Шану свиток.

Цзян Шан внимательно изучил его. Сначала его охватила тревога, но затем сменилось восхищением. Этот замысел был гениален: не разрушив старое, не создашь новое; клянуться разрушить, чтобы восстановить.

— Простите за прямоту, Ваше Величество. Мысль благая, но сопротивление будет огромным. С тех пор как основано наше государство Бэймо, знатные роды разрослись, их корни переплелись. Думаете, сможете их повалить?

— Не попробовав, как узнать? Реформы, идущие снизу вверх, встречают огромное сопротивление. Но если они идут сверху вниз — всё может быть иначе.

— А если провалитесь, Ваше Величество? Обдумывали последствия?

— Худшее, что может случиться — я потеряю этот трон. Канцлер, осмелишься ли?

Сейчас сердце Цзян Шана дрогнуло. Он начал понимать, что чувствовал Е Ду в своё время. Он и Е Ду лишь расходились во взглядах, но лично не были близки. Однако оба считали друг друга соперниками, а не врагами. Прежний император, отличавшийся ревностью, ожидал их разногласий. Когда Е Ду безоговорочно поддержал восхождение Жэнь Чэнцин, Цзян Шан считал, что тот поспешил. Жэнь Чэнцин была слишком молода, да ещё и женщиной — приходилось учитывать множество факторов. Если бы Жэнь Чэнцин не задержала Цзян Чжаосюэ, Цзян Шан подал бы в отставку. Он не верил в Жэнь Чэнцин, считая её методы слишком радикальными и рискованными, а самой её — не тем правителем, которого он желал видеть. Но сегодня она заставила его взглянуть на себя по-новому. Эта молодая императрица мечтала не только о Бэймо. Как хорошо быть молодым: делать то, что хочешь. Иногда Цзян Шан задавался вопросом, не стал ли он слишком старым, размышляя слишком много.

При прежнем императоре Цзян Шан предпочитал сохранять стабильность, угождая государю, и просто управлял страной. За исключением неожиданного брачного союза со вторым принцем Сицзина, всё шло так, как он ожидал. Прежний император был слаб и тщеславен, и Цзян Шан

просто объединял силы знатных родов, чтобы сохранить порядок. Прочитав план Жэнь Чэнцин, он почувствовал прилив энтузиазма: восстановить мощь Бэймо и объединить весь мир — какое это было бы наслаждение. Когда Жэнь Чэнцин спросила, готов ли он, Цзян Шан чуть не рассмеялся. Разве это сложно — разрушить то, что он сам воздвиг?

— Если Ваше Величество готово рискнуть тронem, то чего мне бояться? Если вы хотите, чтобы я стал вашим мечом, как я могу отказаться? Я лишь прошу двух обещаний.

— Говори, канцлер.

— Во-первых, надеюсь, вы будете доверять мне. Если руки, держащей меч, не станет, меч станет бесполезен. Во-вторых, прошу вас: заботьтесь о Чжаосюэ.

— Ты слишком серьёзен, канцлер. Обязательно исполню.

После того как Цзян Шан ушёл, Жэнь Чэнцин немного подумала, а затем направилась в Чертог Жуньсюэ, где находилась Цзян Чжаосюэ. Хотя Цзян Чжаосюэ и Е Линчжао обитали во Дворце Ганьцюань, один находился в Чертоге Вэйхэ, расположенном в передней части дворца, а другой — в Чертоге Жуньсюэ, в задней. Казалось, они намеренно избегали друг друга. Цзян Чжаосюэ уже некоторое время находилась во дворце, и Жэнь Чэнцин подумала, что она ещё не навещала её. Возможно, это было немного жестоко. Втягивать в придворные борьбы девушку, только что достигшую совершеннолетия, было несправедливо. Но разве в мире много справедливости? Если с помощью Цзян Чжаосюэ можно было контролировать Цзян Шана, это был неплохой метод.

— Простолюдинка приветствует Ваше Величество.

Цзян Чжаосюэ не ожидала появления Жэнь Чэнцин и, не успев подготовиться, поспешно опустила на колени. Внутренне она упрекнула себя — к какой здесь подготовке?

— Встань, садись. Это моя оплошность. Раз уж я признала тебя сестрой, буду звать Чжаосюэ. Ты давно во дворце, но я была очень занята и лишь сейчас нашла время навестить тебя.

Голос, который она услышала, был совсем не таким, каким она его представляла. Вместо холодного и отстранённого он был чистым и мягким, что позволило Цзян Чжаосюэ расслабиться. Теперь она осмелилась взглянуть на императрицу.

Ранее она слышала, что императрица, ещё будучи принцессой, вместе с княжной Чаоян называлась «двумя цветами Бэймо». Она видела княжну Чаоян — ту яркую и ослепительно красивую женщину, чья красота была поистине неземной. Она думала, что это сравнение было лишь лестью, но теперь, увидев императрицу, поняла, что ошибалась. В мире действительно существовала такая красота: изящество женщины, сочетающееся с величием государя, создавало неповторимую ауру. Жэнь Чэнцин тоже внимательно рассматривала юную девушку перед собой — юную, неопытную, смелую и с упрямым нравом.

— Простолюдинка благодарит Ваше Величество.

— Раз уж ты моя сестра, хоть официально и не утверждена, не нужно называть себя простолюдинкой. Будь как дома. Устраиваешься здесь?

— Да, хорошо, только немного скучно.

— В palace walls это неизбежно. Слышала, ты любишь книги. В нашем дворце есть богатая

библиотека. Если тебе скучно, можешь посетить её.

— Правда? Спасибо, Ваше Величество.

Детская искренность и наивность девушки, казалось, заразили Жэнь Чэнцин. Она с улыбкой кивнула.

Через несколько дней на утреннем приёме обычно сдержанный канцлер Цзян Шан неожиданно подал доклад, вызвавший бурные обсуждения. В нём предлагалось провести три реформы системы государственных экзаменов. Во-первых, отменить систему рекомендаций и предоставить всем кандидатам равные права при сдаче экзаменов в городах. Во-вторых, ввести систему надзора, при которой экзаменаторы, задания и проверка работ будут назначаться случайно. В-третьих, добавить военные испытания. Первый пункт вызвал массовые возражения: многие считали его бессмысленной тратой времени. Второй день высмеивали как абсурдный: столь важное дело, как экзамены, уже предлагалось организовать случайным образом. Третий пункт назвали шуткой, будто бы они собрались смотреть, как грубые мужланы показывают фокусы. Цзян Шан аргументированно отвечал на все возражения, объясняя плюсы и минусы, и в конце концов заставил всех замолчать.

— Канцлер, ты и правда опора нашего государства. Эти три предложения вполне соответствуют моим желаниям.

Жэнь Чэнцин без колебаний похвалила его, и с поддержкой группировки, лояльной Цзян Шану, все три предложения были приняты. Осталось лишь обсудить детали, и Жэнь Чэнцин полностью поручила это Цзян Шану.

Вернувшись в рабочий кабинет, Жэнь Чэнцин всё ещё вспоминала, как Цзян Шан на совете сражался с оппонентами. Какое это было наслаждение! Если бы её спросили, кого она больше всего уважает во всём Бэймо, она бы ответила: в гражданском управлении — Цзян Шана, в военном деле — Е Ду. С этими двумя людьми Бэймо мог бы не бояться упадка, но они всегда были враждебны друг другу. Е Ду не вмешивался в политику, а Цзян Шан слишком много сомневался. Но теперь оба они служили ей. Какое счастье! Жэнь Чэнцин знала, что оба они мечтали о великом, но не встретили достойного государя. Они служили не ей, Жэнь Чэнцин, а азарту самой борьбы за власть.

В её руки попало секретное донесение, и Жэнь Чэнцин нахмурилась. Границы Бэймо всё чаще подвергались нападениям со стороны Наньчжоу. Наньчжоу была страной богатой, но народ там не умел воевать. Уже много лет они не вели войн, предпочитая платить дань и поставки ради мира. Почему же теперь они напали на Бэймо? Тем более что общая граница Наньчжоу и Бэймо была невелика, да и земля там была бедной, которую Наньчжоу презирало. Почему вдруг началась война?

На следующее утро официальное сообщение было доставлено на совет. Наньчжоу объявила войну Бэймо, и в зале начался переполох. Наньчжоу всегда боялся войны, и вдруг он сам её объявляет. На совете все высказывали свои мнения, которые можно было разделить на три основных лагеря.

Авторское примечание:

Бездельничала дома, по напоминанию обнаружила, что предварительно сохранённые главы закончились, и вновь с упорством пришла выкладывать новые.

<http://bllate.org/book/16831/1547819>